

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

синтаксиса, т. е. перед фамилией, а не после нее, как того требует японский язык.

Вся вышеприведенная новая терминология, вызванная из небытия к бытию исключительно благодаря Октябрьской революции, живет на страницах японской пролетлитературы, переходит в уста японского пролетариата и претворяется в живую действительность. Представители «реформизма» (*kairyōshugi*) и так называемые *shimpasaiza* (с англ. *sympathizer*) или сокращенно *shimpa* «сочувствующие», т. е. левый фронт японской буржуазии, на страницах реформистских журналов тоже уже говорят новым языком, чтобы быть понятными поднимающемуся пролетариату*.

Советская Россия во всех этих журналах и пролетлитературе обычно называется *soueto-roshiya* или *sovetto-rempō* (сокр. *sorempō*), т. е. «Советский Союз»; о феодальном названии *oroshu* нигде нет и помину, а о *musukobiya* никто даже и не знает.

Представление о радуге как о небесной змее¹

Для обозначения радуги в японском койне² употребляется слово *ni z'i* ← *ni zi*, которое мы встречаем уже в древнейших японских словарях вроде *Wamyō Ruijushō* (X в.), *Shinsen Jikyō* (XII в.), *Iroha Jiruishō* (XII в.) и др.

Этимология данного слова продолжает оставаться темной несмотря на то, что ученые эпохи Токугава всячески пытались его этимологизировать. Так, например, Танигава Котосуга предлагает этимологию *ni* «красный» + *z'i* — сокращение из *su z'i* «полоса»**.

Другие ученые объясняли радугу как нечто «красно-белое», толкуя *ni* как «красный цвет», а *z'i* как сокращение *siro* «белый цвет»***.

Нечего и говорить, что подобные этимологии не выдерживают никакой критики; помимо того что ни *su z'i*, ни *siro* — *z'iro* никогда не сокращаются в *z'i*, эти этимологии противоречат самому явлению, доступному наблюдению каждого.

* Отмечу здесь еще слово *hiyorimishugi* «оппортунизм», образованное из слова *hiyori-mi* «высматривание хорошей погоды» и слова *shugi* «принцип», употребляющегося для перевода европейского окончания *-изм*.

¹ Печатается по изданию: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934. Данной статьей, видимо, навеяно название известной японской книги о Невском: Като: Кю:дзо:. Тэн-но хэби (Небесная змея). Токио, 1976.

² Имеется в виду современный литературный язык.

** См. словарь *Wakun-no Shiori* под словом *ni zi*.

*** См.: «*Kokkeizōdan*». Кн. 5, ссылка на «*Wakun Gikai*». Т. I. Токио, 1917. С. 231.

Основной ошибкой токугавских филологов было предвзятое допущение, что говор г. Киото является тем праяпонским языком, из которого образовался весь комплекс языка со всеми входящими в него диалектами и что этот говор на всем протяжении веков, от «эпохи богов» до эпохи Токугава¹ включительно, не претерпевал никаких изменений. Поэтому, этимологизируя то или иное слово, эти ученые не прибегали даже к сравнению с диалектическими разновидностями, бывшими для них лишь «блудными сынами» единого отца — киотоского говора. Эти идеи национал-филологов нашли себе полную параллель в идее непрерывности линии императоров, с конца VIII в. живших в столице Киото. Все идеи национал-филологов эпохи Токугава, вместе взятые, сыграли немаловажную роль в деле уничтожения феодального порядка и установления монархии, и после революции Мэйдзи целиком были усвоены новым буржуазным обществом и почти в неизменном виде перекочевали в эпоху империализма, нашедшего в них свою опору. Нарушать авторитет этих токугавских ученых до самого последнего времени считалось чуть не святотарством. Этим отчасти и объясняется, как мне кажется, тот застой в области языкознания в Японии, который не соответствовал быстрому усвоению Японией европейской культуры во всех прочих областях². И только в самые последние годы, когда экономический кризис начал и в Японии подрывать основы империализма, с ними вместе зашаталась и неприкосновенные до того авторитеты токугавских национал-филологов.

Если бы авторы вышеприведенных этимологий слова *ni'z'i* не находились под влиянием царившей тогда идеи о киотоском говоре как праяпонском языке, они бы, конечно, обратили несколько большее внимание на слово *ni'z'i~ ni'z'i* с тем же значением и не менее древнее, чем *ni'z'i*, так как оно встречается в древнейшем японском поэтическом сборнике Маннёсю (принявшем дошедшую до нас форму в начале IX в.)^{*}.

Известный токугавский ученый, Мотōри Норианага, склонялся даже признать слово *ni'z'i*, более древним, чем *ni'z'i*, но, так как слово это встречается в сборнике лишь в песне пров. Камицукэно (совр. Кōдзукэ³), то современные исследователи рассматривают его как диалектическую разновидность *ni'z'i* ^{**}.

¹ Период с 1603 г. по 1867 г.; именно в это время сложилась японская лингвистическая традиция.

² Характеристика японского языкознания конца XIX — начала XX в. как «застоя» неточна. Имеется в виду другое: если в других науках, особенно естественных, произошла полная европеизация, то в языкознании пришедшие с Запада идеи были синтезированы с национальной традицией.

^{*} Kojiki-Den. Токио, 1921. С. 2052.

³ Соответствует совр. преф. Гумма (к северо-западу от Токио).

^{**} Origuchi Shinobu. Man-yō-shū jiten. Токио, 1919. С. 187.

Вопрос о наиболее древней форме слова разрешается известным японским этнографом, Янагита Кунио, который говорит: «И в древности, как и теперь, словарь ни в коем случае не мог оставаться все время одним и тем же... Даже про слова, дошедшие до нас через Маннёсю и другие древние памятники... можно только сказать, что они имели хождение в такое-то время и в таких-то местах, но они не могут служить доказательством, что и в глубокой древности они были таковыми же»*.

В частности, относительно интересующего нас слова он говорит: «Такое слово, как *ni:z'i* (радуга), с того самого времени как мы начали жить на этих островах, уже было многообразно по своему фонетическому составу»**.

Этими своими словами К. Янагита уже приближается к утверждению нового учения о языке¹, что «нет ни одного языка, ни одного народа, ни одного племени (и при возникновении их не было) простого, не мешанного или, по нашей терминологии, не скрещенного»***.

Обращаясь к современным японским диалектам, помимо вышеприведенных форм *ni:z'i* и *nu:z'i* мы находим в них массу других, доказывающих, что ни одна из них не может рассматриваться как первоначальная, а что все они возникли посредством скрещивания. Наиболее полный список всех слов, служащих в современном японском языке для обозначения радуги, был впервые составлен проф. Тōдзэ Мисао****.

К. Янагита в уже цитированной работе, обследуя ныне существующие слова для обозначения радуги по их географическому распространению, делит всю собственно Японию на следующие районы по преобладающим в них типам*****:

- 1) район *no:z'i* (с вариантами *no:z'i*, *non:z'i*, *no:z'i*);
- 2) район *ne:z'i* (с вариантом *ne:z'i*);
- 3) район *ni:z'i* (с вариантами *ni:z'i*, *nin:z'i*; сюда же, вероятно, можно отнести *ni:si* — в Кагосима и *nir'* — в Бунго);
- 4) район *mo:z'i* (с вариантами *mo:z'iŋ*, *me:z'i*, *mo:zi*, *mo:zo:*);
- 5) район *zu:z'i* (с вариантами *zu:zi*, *ju:zi*, *ru:zi*);
- 6) район *bo:z'i* (с вариантами *bo:zi*, *bo:bi*, *bo:bu*);
- 7) район *nu:z'i* (с вариантами *nu:z'i*, *nu:z'i*).

* К. Yanagita. *Goon henka-ni kansuru kenkyū. Onsei-no Kenkyū. III.* Токио, 1930. С. 6.

** Там же. С. 13.

¹ Учение академика Н. Я. Марра, в то время господствовавшее в советском языкознании, теперь полностью отвергнутое.

*** Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема // Языковедение и материализм. ИЛЯЗВ, изд-во «Прибой», 1929. С. 39.

**** М. Тōjō. *Niji* // *Kyōdo Kenkyū. IV.* С. 606—608.

***** См.: М. Тōjō. *Op. cit.*; К. Yanagita. *Op. cit.*, с. 7—9. Указание границ вышеприведенных районов мною опущено как не имеющее непосредственного отношения к моей работе.

Переходя к Рюкюскому архипелагу и островам, лежащим между ним и островом *Kyūshū*, можно установить, что в северной части преобладают слова с начальным *n*, а в южной — с начальным *m*, а именно:

no:z'i (о-в Окиэрабу и о-в Токуносима);
nu:zi (г. Сюи и г. Нафа¹);
nu:z'iri, *nu:giri* (с. Наго);
no:gi, *no:giŋ* (о-в Токуносима);
no:gi, *no:ki*, *no:ku*, *nok*, *no:giri* (о-в Осима);
mo:gi, *mo:g'i* (о-в Исигаки);
mo:k'si (о-в Кохама);
mu:zi (о-в Куросима);
no:s'iŋ, *tin-nu-mu:zi* (о-в Арагусыку)*.

Прежде чем разбираться во всей этой массе скрещенных слов, а тем более этимологизировать одно из них, будет нелишним, как мне кажется, обратить внимание на те народные представления японцев и рюкюсцев о радуге, которые отчасти сохранились в современном языке и фольклоре и отчасти зарегистрированы письменными памятниками. Может быть, таким образом нам удастся напасть на следы тех слов и понятий, смешение которых и породило весь комплекс слов для передачи понятия «радуга», который был приведен мною выше.

Прежде всего, в одном из первых диалектических словарей Японии, *Butsurui Shōko*, составленном в 1775 г., говорится, что жители провинции Овари² называют радугу *nabezuru*. В современных диалектах данное представление продолжает жить в формах *nabecuru*, *nabencuru*, *nabencut*, которые всеми понимаются как «рукоятка (*suru*) котелка (*nabe*)»^{**}.

Данное представление, несомненно, аналогично представлению о радуге как о луке (оружие), зарегистрированном многими европейскими и семитскими языками. Более интересно, но менее понятно слово *gago'si*, которым на о-ве Амакуса (пров. Хиго³) называют радугу^{***}.

В провинции Мино⁴ тем же словом называют зимнюю ловлю рыбы в пруду большими корзинами^{****}.

¹ В принятой транскрипции — Сюри и Наха.

* См.: Miyara Tōsō. *Saihō Nantō goi kō* под словом *ni:zi*. Токио, 1926; также: К. Yanagita. *Op. cit.* С. 9.

² Соответствует западной части совр. преф. Аити (район Нагоя).

** К. Yanagita. *Op. cit.* С. 12.

³ Соответствует совр. преф. Кумамото (западная часть Кюсю).

*** К. Yanagita. *Op. cit.* С. 12.

⁴ Соответствует южной и центральной частям преф. Гифу (к северу от Нагоя).

**** См.: *Dai-Nihon Kokugo Jiten* ссылка на *Wakun-no Shiori*. В имеющемся у меня издании этого последнего словаря данного слова нет.

По предположению Янагита, *gagoši*, вероятно, общего происхождения со словом *gaŋozi* в койне, которым обозначают демона и пугают плачущих детей. На о-ве Ёнагуни (в местном произношении *danaŋ*) группы Яэяма Рюкюского архипелага радугу называют *ami-nim'a*, что буквально значит «пьющая дождь».

Когда я, в августе 1922 г., в первый раз посетил группу островов Мияко (в туземном произношении *ma:ku*), меня сперва поразило, а затем весьма заинтересовало слово *timbau* (с вариантами *ɕimbau* и *timrau*), которым большинство жителей островов называют радугу.

Слово это в буквальном переводе значит «небесная змея» (от *tiŋ* «небо» // яп. *teŋ* ← кит. *t'ien* = *rau* «змея»; ср. яп. *hebi*, *hami* «змея», диал. г. Осака *hame* «гадюка», диал. Ямато *habi* «гадюка»; Сюи и Нафа *habu* — *Trimeresurus ryukyuanus*, ср. также яп. *hau* «ползать»). По представлениям жителей Мияко, эта «небесная змея», по видимому, может иногда сойти на землю и причинить вред человеку, о чем свидетельствует поговорка *ffisiti mudusicka: timbauŋdu makai'zi* «если отдавши вернешь, небесной змеей обвит (т. е. задавлен) будешь». Эта поговорка обычно говорится детьми, когда кто-нибудь, отдав ребенку какую-либо вещь, через некоторое время захочет вернуть ее обратно.

Разбираясь в фольклоре и верованиях различных народов, убеждаешься, что представление о радуге как о небесной змее вовсе не является специфической особенностью жителей Мияко, а довольно широко распространено среди различных обитателей земного шара и является несомненным пережитком анимизма, когда все явления природы рассматривались как те или иные существа, населяющие землю. Отождествление радуги именно со змеей обусловлено, мне кажется, с одной стороны, формой и внешним видом радуги, напоминающими некоторые виды змей, а с другой — ее появлением в конце дождя при проглядывающем солнце, когда все змеи вылезают из своих нор погреться на солнце, что мне лично неоднократно приходилось наблюдать.

Чтобы не быть голословным в своем заявлении о распространенности подобного представления, приведу ниже несколько известных мне примеров.

Так, в Индии кольское племя мунда, живущее на плоскогорье Чота-Нагпур в Бенгалии, одним и тем же словом *lurbing* обозначает как водяную змею, так и радугу. Относительно происхождения последнего у них существует следующее предание. Когда, вскоре после создания мира, люди стали предаваться беспечности, творец, Sing-Bonga, решил уничтожить весь род человеческий и с этой целью ниспослал с неба огненный дождь. Последний истребил всех людей за исключением одних брата с сестрой, укрывшихся под деревом *tiril*. Чтобы, наконец, прекратить огненный ливень, творец создал змею *lurbing*, которая выдохнула из себя свою душу, поднявшуюся на не-

бо в виде радуги, и дождь прекратился. Поэтому туземцы при виде радуги говорят: «не будет больше дождя, *lugbing* уничтожила дождь»^{*}.

Подобное же представление находим и у малайцев. Так, например, в Пенанге туземцы называют радугу *ular-danu* «змея *danu*», а в Селангоре — *ular minum* «пьющая змея»^{**}.

В Китае, по-видимому, тоже существовало представление о радуге как о змее или драконе, что, с одной стороны, подтверждается некоторыми китайскими преданиями, а с другой, — тем, что почти все иероглифы, служащие для обозначения радуги, имеют в себе детерминатив насекомых, гадов.

Среди монголов мы тоже находим некоторые сказания, доказывающие, что и им не было чуждо данное представление. Так, например, у хори-бурят существует предание об одном ламе, который узнал, что после смерти он превратится в змею, пожирающую людей. Так как долгое пожирание людей должно будет в конечном счете привести его в ад, то он дал одному из учеников меч с просьбой убить первую поедающую людей змею, которая появится после его смерти. Когда лама умер, то действительно вскоре появилась такая змея. Ученик, помня завет учителя, разрубил змею мечом, и из нее поднялась на небо пятицветная радуга, лама же сделался бурханом^{***}.

Подобное представление не ограничивается одной только Азией, его мы встречаем и в Новом Свете.

«Великий мифический змей индийского лора, — говорит Александер, — постольку же небесное, поскольку и водяное существо; по-видимому, это только олицетворенная радуга или молния, а поэтому и ассоциируется как с небом, так и с водой... Шошони смотрят на радугу как на громадного небесного змея, а радуги над водами Ниагары, может быть, и дали толчок считать этот водопад местожительством громадного гада»^{****}.

Тот же автор говорит: «Шошони или Змея <...> смотрят на небесную твердь как на ледяной купол, о который Великий Змей, являющийся не чем иным, как радугой, трет свою спину»^{****}.

Вероятно, то же представление радуги в виде змеи руководит туземцами племени анула Северной Австралии, когда они вызывают дождь. Например, мужчина тотема мумбакиаку, для того чтобы произвести дождь, ловит змею и, подержав ее некоторое время под водой, убивает и раскладывает на земле. Затем он берет пучок травы и, согнув его в виде арки, долженствующей изображать радугу, ставит над змеей. Окончание церемонии состоит в том, что туземец поет над

^{*} Frazer. Folk-lore in the Old Testament. T. 1. L., 1919. С. 196.

^{**} Skeat. Malay Magic. L., 1909. С. 14—15.

^{***} А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. 3. СПб., 1913—1914. С. 73.

^{****} The Mythology of All Races. Vol. 10: North American / By H. B. Alexander. Boston, 1916. С. 300 (rem. 50).

^{****} Там же. С. 139.

этой змеей, что рано или поздно должно, по его мнению, вызвать желательный дождь*.

Если хорошенько поискать в этнографической и фольклорной литературе, то, вероятно, много еще примеров, подобных вышеприведенным, можно собрать с разных концов Земного шара и таким образом показать, что анимистическое представление радуги в виде змеи свойственно многим народам определенной стадии культуры. Отмечу здесь между прочим обычай пользоваться живыми змеями (Америка, Австралия) или изображениями змей и драконов (Азия) при чародействе вызывания дождя.

В основе всех этих обрядов, вероятно, лежит симпатическая магия, имеющая целью пробудить Змея-Радугу, рассматриваемую в качестве «хозяина» дождя.

Сравнение радуги со змеей мы встречаем и в древних японских анналах. Так, в Нихонги¹ под третьим годом царствования императора Yūgyaku (459 г. н. э), где рассказывается о поисках принцессы Такухата, покончившей с собой в верховьях р. Исудзу-гава, говорится: «И вот, в верховьях реки была видна радуга, подобная змее в 4—5 сажень. Разрывши место, над которым стояла радуга, нашли чудесное зеркало».

Среди танка известного поэта XII в., монаха Сайгё, имеется следующая: «Когда во время паломничества в Кōя над горой Кацураги поднялась радуга

<i>sarani mata</i>	Как будто снова
<i>sorihashi watasu</i>	Мост горбатый навели,
<i>kokochi shite</i>	Мнится мне опять —
<i>wofusa kakareru</i>	То <i>wofusa</i> нависла
<i>katsuragi-no yama</i>	Над горой Кацураги».

Вследствие того что слово *wofusa* со значением радуги нигде больше не встречается, К. Янагита предполагает, что первая силлаба этого слова — описка переписчика вместо силлабы *na*, а *na**wofusa* или *nabusa* — не что иное, как диалектические обозначения змеи *Elaphis virgatus*, называемой в японском койне *aodai'so*:**.

Перенесясь снова на Рюкюский архипелаг, мы найдем, что жители о-ва Кохама группы Яэяма называют радугу *cine:-timancī* (← *cini-ga timancī* «небесный червь» от *cij* ~ *cini* «небо» и *timancī* // яп. *timizu*, *tetezu* «дождевой червяк»). На небольшом о-ве Тарама группы Мияко, наиболее близком к группе Яэяма, туземцы называют радугу не *timbau*, как на главном острове, а *nu:zī*, т. е. словом, близким по произношению к рюкюскому (имеется в виду говор Сюи) *nu:zī* и японским диалектическим *nu:zī*, *nu:zī*, *nu:zī*.

* E. O. James. Primitive Ritual and Belief. L., 1917. С. 102—103.

¹ Древнейший японский исторический памятник VIII в.

** К. Yanagita. Op. cit. С. 12.

Под влиянием соседства *ni:zĩ*, с одной стороны, и *cine:-mĩ-tançĩ* — с другой, на о-ве Арагусыку и могло возникнуть такое гибридное сочетание, как *tin-ni-tu:zĩ*, которое, несомненно, тоже первоначально воспринималось как «небесная змея» или «небесный червь» (ср. слова *mĩ:za* и *tə:za* «дождевой червь» в некоторых селениях о-ва Осима, лежащего между о-вом Кёсю и Рюкюским архипелагом).

Я выше сказал, что на о-ве Тарама для обозначения радуги не прибегают к слову *timbau* главного острова Мияко, но и на последнем есть места, где это слово не в ходу.

Например, в дер. Казмата радугу называют *o:пазĩ*, каковое слово в г. Псара¹ и некоторых других местах (например в дер. Бура) употребляется для обозначения уже упоминавшейся змеи *Elaphis virgatus*. На о-ве Ирав той же группы Мияко, равно как и на о-ве Исиаки (группы Яэяма) эту змею называют *aupaзи*. На прочих островах группы Яэяма имеем названия *aupaза* (о-в Арагусыку), *aupaзи* или *aupaзираң* (о-в Куросима), *aupañçĩ* (о-в Кохама), *o:пазараку* (о-в Хатэрума) и *bo:паçĩ* (о-в Ириомотэ)* (окончания *раң* и *раку* соответствуют Мияко *rau* «змея»). Начальные *au-*, *o:* и *bo* во всех вышеприведенных словах соответствуют японскому *ao* ~ *awo* «зеленый синий», которое имеем и в японском *aodai'so:*, что буквально значит «зеленый генерал». Дело в том, что змея эта отличается от прочих змей Японии своим темно-зеленым цветом с синеватым оттенком.

На о-ве Тарама, где, как мы видели, радугу называют *ni:zĩ*, интересующая нас змея носит название *o:ni:zĩbo:* (*-bo:* ← *po:* «змея») (сокращение долгой гласной на одну или даже две моры в компаундных словах — явление обычное для многих рюкюских диалектов). Сравнивая вышеприведенные обозначения змеи *Elaphis virgatus* со словом *o:ni:zĩbo:*, мы вполне можем признать, что *пазĩ* есть диалектная разновидность *ni:zĩ*. Такое чередование *и/а* мы можем наблюдать даже в одних только диалектах Мияко, например в таких словах, как: *tunika* (дер. Сāда на о-ве Ирав) и *tunaka* (Псара) «яйцо», *stumuti* (г. Псара) и *stumati* (дер. Сымадзы) «раннее утро», *ju:tmbi* (дер. Сāда) и *ja:tmbi* (г. Псара) «светляк» и др.

В сел. Сарахама на о-ве Ирав всякую змею помимо простого слова *hau* (соотв. Псара *rau*) чаще называют еще словом *haupaзи*, а радугу — *tinpuha:upaзи*, т. е. «небесной большой змеей» (*ha:upaзи* ← *ihu haupaзи* «большая змея»). Между прочим, в том же селении термином *tunpu hau* «небесная змея» называют водяной смерч.

Вышеприведенное слово *haupaзи* — гибридное, по-видимому составленное из двух синонимов.

В городах Сюи и Нафа на главном о-ве Окинава змею *Elaphis virgatus* называют словом *o:nпази* или *o:nпаза*, которое осмысляется жителями как «зеленый угорь». Слово *nпази* «угорь» соответствует

¹ В принятой транскрипции — г. Хирара.

* См.: Miyara Tōsō. Op. cit.

японскому *unaŋi* (др. яп. *ṽnaŋi*) и слову *ṽnaŋ'i* (г. Псара) на о-ве Мияко.

В с. Наго в уезде Кундзян¹ интересующую нас змею называют словом того же порядка *o:nada*, а на о-ве Осима — *o:nada* (в северной части острова), *o:naga* (в центральной части) и *o:naki* (в южной). Начальное *o:* во всех этих словах означает «зеленый», тогда как вторая половина слова основывается на общем японо-рюкюском корне *nag-* «длинный» и означает «нечто длинное» или во всех этих примерах — змею. Отмечу здесь, что в Японии одним из общераспространенных слов, означающих змею, является слово *naŋa-mu'si* «длинное насекомое», «длинный гад» (ср. сев.-кит. *ṽʂ'ɑŋ-ṽʂ'uŋ* с той же этимологией и тем же значением).

На прочих островах группы Осима в словах для обозначения *Elaphis virgatus* вместо *a* опять находим гласную *u*, а именно: *o:nuda* (о-в Тукуносима), *o:nuz'i* (о-в Ёрон), *o:nuz'u* (о-в Окиэрабу), а на о-ве Кикаи — *o:nura:*. На последнем из этих островов радугу называют *tecinuri**.

Переходя снова на территорию собственно Японии, помимо слова *aodaiso:* для обозначения вышеназванного вида змей мы находим уже упоминавшееся слово *naɸusa* (или *nabusa*), чаще в виде *aona-busa*, а также *aonos'i* (пров. Этиго², уезд Ивафунэ), *aʷoroz'i* (пров. Синано³, дер. Отари), *aonoros'i* (преф. Иватэ) и др. Сюда же можно отнести и слово *woroci*, которым в древних японских анналах названа громадная змея.

Слово *nos'i* (в вышеприведенном *aonos'i*) приближается в звуковом отношении к стандартному *nus'i*, которое собственно значит «хозяин», но в приложении к богам — «хозяевам» рек, болот и озер — почти неизменно означает змею. Та или иная змея, поселяющаяся в каком-нибудь доме и ловящая там крыс и мышей, называется *ie-nonus'i* «хозяином дома» и убивать ее считается грехом.

Для такого «хозяина» часто при доме устраивается небольшой храмик, куда время от времени кладут приношения в виде риса и пр. По-видимому, то же значение «хозяин» имеет и слово *taišo:* (в *aodaiso:*), которое в японском сленге вполне соответствует англ. *boss*.

Слово *aonoros'i* или *aonurus'i*, по-видимому, состоит из трех элементов: 1) *ao* «зеленый», 2) *noro-* или *nuru-* «скользящий» (например, о змеях, угрях и пр.) и «влажный» и 3) *-si* — суффикс для образования существительных (со значением «тот, который», «существо»), соответствующий суффиксу *-su* в японском койне и диалектах Мияко и Яэяма и суффиксу *-si* в говорах Сюи и Нафа рюкюского языка (ср., например, Мияко *nut-su* «пьющий», «пьяница»; яп. *ка-*

¹ На Окинаве.

* Т. Мияга в цитированной работе для радуги приводит слово *ci:ri:nu:ru:*.

² Соответствует совр. преф. Ниигата (северо-запад Хонсю).

³ Соответствует совр. преф. Нагано (центр Хонсю).

ra-su «ворон», *kirij iri-su* «один из видов кузнечика», *kiŋi-su* «фазан», *o-su* «самец», *me-su* «самка» и др.). Таким образом, все слово означает «зеленое скользкое существо», где под «скользким существом» понимается или змея, или угорь, или червяк.

Подобно тому как старинное *kiŋisu*, имевшее диалектную разновидность в форме *kiŋisi*, в конечном результате дало в современном койне слово *kiz'i*, подобно этому *norosi* «змея» (или «червяк») в северо-восточных провинциях Японии дало *no:zi* → *no:zi* → *pozī* → *pozī* «радуга».

Такому переходу, несомненно, предшествовала замена внутреннего слога *ro* слогом *no* с последовавшим затем выпадением гласной, вызываемым, вероятно, отсутствием на ней ударения. Чередование фонем *r* и *n* — явление обычное в японо-рюкюских диалектах. Например, в г. Псара на главном острове Мияко говорят *tukuru* (= яп. *tokoro*) «место», тогда как в дер. Сāда (на о-ве Ирав) — *tukunu*; в той же деревне имеем слово *sunubaŋ* «счеты», которому в японском койне соответствует *sorobaŋ* (ср. кит. *suan-pan*). В диалектах главного острова преф. Окинава чередуются слова *iširagu* и *išinagu* «камешек», наконец, современный порт Цуруга в древних японских анналах называется Цунуга (← *tunuga*).

Как из *norosi* появилось диалектное *poz'i*, так же из *nurusī* в других диалектах образовался ряд *nu:zi* → *nu:zi* → *nu:z'i* → *nuz'i*. Под влиянием конечной узкой гласной слова *nu:z'i* в некоторых диалектах первая согласная тоже стала произноситься со среднеязычным сближением, и таким образом появилось слово *nu:z'i* ~ *nu:zi* (например, в преф. Токусима и части преф. Оита), которое в соседних диалектах произносится *ʔu:zi* (например, в г. Сага) или *zu:zi* (например, в пров. Кидзэн¹).

Наконец, в некоторых диалектах ассимиляция распространилась и на гласную, что дало, таким образом, ряд *ninz'i* → *ni:z'i* → *ni:zi*. Таким образом мне представляется происхождение слова для обозначения радуги в современном японском койне.

Не вдаваясь в подробное обсуждение всех прочих слов для выражения того же понятия в японо-рюкюских диалектах, на основании всего вышеизложенного можно сказать, что на весь этот комплекс влияли, постоянно переплетаясь друг с другом, понятия «пресмыкающегося» (яп. *hebi* «змея», о-в Исигаки *rabi* «змея», яп. *hau* «ползать»), «червеобразного» (яп. *timiŋi* «дождевой червь», о-в Осима *тэ:за* «дождевой червь»), «скользкого» (яп. *noro-*, *nuru-*) и «длинного» (яп. *naga*), которые являются наиболее характерными признаками змеи*.

¹ Соответствует совр. преф. Нагасаки и частично Сага (северо-запад Кюсю).

* Основные положения данной статьи высказывались мною еще в 1922 г. в докладах, прочитанных на японском языке перед японской аудиторией в городах Токио и Осака.